

Николай ТИХОНОВ

Большой писатель и человек

Прошел год с того печального дня, когда мы провожали в последний путь нашего друга, прекрасного русского писателя Алексея Николаевича Толстого.

Он умер как раз накануне тех великих дней, которые пережила наша страна и все советские люди, — это особенно жаль, потому что никогда мы не испытывали такого чувства жизни, такой широкой всенародной радости, как в эти дни полной победы в той борьбе, в которой Алексей Николаевич так замечательно участвовал.

Но все, что сделал в своей большой жизни этот большой писатель и человек, лежит перед нами, как наследие, и в нем для нас очень много поучительного.

Я помню, как мы, молодые писатели, встретили в первый раз Алексея Николаевича — это было в

Ленинграде в двадцатых годах. Он появился в Ленинграде после окончания гражданской войны. Он приглядывался к новой жизни и к нам, для него многое было вновь.

Толстой явился перед нами во всеоружии формы. Это также было примечательно, потому что тогда среди молодых писателей была тяга именно к разнообразию форм, к сложным поискам, различным стилям. Новеллист, романист, драматург, писатель сюжетного плана, писатель-историк, — не было почти такой области в прозе, которой бы он не занимался страшно живо. Эта его живость нам чрезвычайно понравилась.

Я помню моменты особой детскости, которые были в нем. Вдруг он приходил на заседания в маленькую захудалую квартиру на Фонтанке, где помещался тогда Союз писателей, приходил с корабельным фонарем.

Как-то он явился с подозрительной трубкой и в эту трубку во все время заседания рассматривал другой берег Фонтанки, чем вызывал негодование почтенных заседателей, погруженных в протоколы и бумаги. Вдруг он посмотрел на часы, вскопчил: «Какого чорта я с вами теряю время, я должен идти!», взял трубку подмышку, как какой-то адмирал, и ушел.

Да, он не любил терять время за протоколами — в дымку заседаний. Он жил огромной, всепоглощающей работой.

Посмотрите, что этот человек в жизни наблюдал, что он увидел и описал — весь громадный мир, от «Хромого барина», через героев Октября, до героев Великой Отечественной войны.

Он прошел как человек очень большую и трудную жизнь. Многие большие писатели того времени где-то сломались, где-то сдали или в силу своего эгоизма или в силу непонимания происходящего. Некоторые были поражены жестокостью одного периода, сложностью другого, трагичностью третьего, а он во всем и всегда сохранял большую широту. Эта большая широта доброго таланта создала хороший фундамент для его творчества, без такого фундамента он не мог бы изображать жизнь.

Представим на секунду, что он — талант ограниченный, пускай даже добрый. Тогда он мог стать сказочником, он мог открыть условный мир, какой создал, например, его современник Александр Грин. Напротив, Толстой шел не к воображаемым людям, а искал людей в самых разных положениях, он не развешивал себя с ними. Вот почему те решения, которые он принимал, отличаются ясностью. Он верил в то большое, что было за всем этим. А за этим была Россия, за этим была судьба русского народа.

Соединяя себя с народом, подчиняясь новизне, которая возникла в жизни, он не останавливался, но шел вперед, все больше расширяя свои требования к жизни и не боясь бурных волн, для которых нужен был хороший штурман, чтобы провести корабль его творчества и не разбить его на отмелях. Он нашел свой путь очень точно, очень честно, он нашел его, как большой мастер. Эта честность, облеченная в слово, позволила ему в дни громадных испытаний советского государства занять большое место среди идейных защитников этого государства. Все знают его статьи. Названия его статей — «Родина», «Народ и армия», «Упорство», «Самоотверженность», «Русский и немец», «Вековая сила», «Разгневанная Россия» — говорят сами за себя.

Народ, который он наблюдал в течение десятилетий, он увидел в том апофеозе раскрытия человеческих сил, в той замечательной новизне, которая так поразила весь мир.

Как всегда, Толстой не стесняется ни расстоянием, ни трудами: он ездил на фронт как военный корреспондент, он ездил как член Чрезвычайной Государственной комиссии по местам, где происхо-

А. Н. ТОЛСТОЙ.
Снимок 1941 г. Публикуется впервые.
Фото В. СЛАВИНСКОГО.

дили немецкие зверства. Он работает как член Верховного Совета. И с этой стороны он раскрывается как человек большого государственного дела.

Чем больше мы будем знакомиться с его жизнью, всматриваться в его творчество, тем яснее увидим, что мы потеряли больше, чем мы думаем.

Если вы посмотрите все его труды, вы увидите, что по своему гигантскому охвату это целая энциклопедия, вы увидите галерею русских людей времен царской России, революционного периода утверждения социализма и дней Великой Отечественной войны. Даже планы его больших произведений вызывают уважение, потому что войти в такую колоссальную эпоху, как скажем, гражданская война, — это уже са-

ма по себе работа грандиозная, а он дал трилогию, посвященную этой эпохе. А эпоха Петра? А Иван Грозный? Эти фигуры для русской литературы не новые. Казалось, что после пушкинских трудов Петр поэтически представляет для нас фигуру, не имеющую секретов. Открытие Петра у Толстого — как раз в том изображении эпохи, которое было бы невозможно без такого гигантского явления в жизни человечества, как Октябрьская революция.

Особенно замечателен язык Толстого. Язык его — это действительно русский язык. Смешно говорить о том, что русский писатель пишет русским языком. Дело не в этом, а в том ощущении языка, широты его возможностей, которое было свойственно Толстому.

Однажды, когда мы ехали с ним в Ленинграде в трамвае, еще задолго до того, как он начал «Петра», он сказал мне, что акты тайной канцелярии — это замечательная вещь. Язык их, как он сказал, это не язык быта, не язык праздников, а язык драмы, язык человеческих трагедий, язык, которым выражается самое внутреннее. Он потом не однажды это повторил.

За всем этим у Толстого стояло еще понимание людей. Когда он появился у нас после гражданской войны, новые люди были для него действительно новыми, потому что Толстой их до того не видел в лицо. И он прошел путь от великолепного знания старой России к прекрасному знанию новой России именно вследствие преданности русскому народу и русскому языку. И всю свою судьбу и свое мастерство посвятил Толстой развитию нашей новой литературы.

Здесь я хочу отметить в нем еще одну очень важную черту. Это — неутомимость. Даже лежа на одре болезни, тяжело больным, он был в таком великолепном опьянении творчеством, как никогда. Несмотря на все мучения своего больного тела, несмотря на усталость, он писал третью часть «Петра», как будто ему открылся еще новый секрет, как можно еще свободнее говорить обо всем. Толстой понял, к каким высотам он пришел. Он тогда же взялся переделывать первую и вторую части, потому что вдруг увидел новые возможности.

Это был действительно громадный народный русский талант, он шел вперед, шел действительно с народом в его будущее. И сегодня мы можем вспоминать его труды, как труды, которые никогда не умирают, потому что они лежат на широком пути развития русской советской литературы.

Вечера памяти А. Н. Толстого

Первую годовщину смерти Алексея Николаевича Толстого литературная общность Москвы отметила большим вечером в клубе писателей, устроенном 25 февраля президиумом ССП СССР.

По предложению Н. Тихонова, открывшего вечер, присутствовавшие почтили вставанием память Алексея Толстого.

Н. Тихонов характеризует Толстого как писателя громадного таланта, труды которого лежат на широком пути развития русской советской литературы и потому никогда не умрут.

Воспоминаниями об Алексее Толстом поделился А. Игнатьев. К. Чуковский прочел свои воспоминания, относящиеся к первому его знакомству с Алексеем Толстым. Писателем в ту пору были иписаны крупным и шедрым почерком толстые тетрадки по 200 страниц. Их было не меньше пятнадцати. На каждой была поставлена дата: 1901 год, 1902 год, 1903 год и т. д. Это было полное собрание неизданных и до сих пор никому не известных юношеских произведений Алексея Николаевича, записанных им чуть ли не в 14-летнем возрасте... Там были сплошь стихи. Самое их количество свидетельствовало о необыкновенной литературной энергии. И многие из них имели подзаголовок: «Посвящается матери»... Эти юношеские строки, имеющие сорокапятилетнюю давность, глубоко пронизаны чувством патриотизма, гражданскими идеями, любовью к родине и народу.

В. Шкловский в своей речи говорит об исключительном умении Толстого бесконечно совершенствоваться. А. Толстой учился до последнего дня, многократно принимаясь за одну и ту же тему. Огромное художественное мастерство достигнуто писателем в третьей части «Петра I».

— Толстой очень любил искусство, оно было фанатической страстью всей его жизни, — сказал И. Эренбург. — Он очень любил поэзию, свой литературный путь он начал книгой стихов. Бережно и любовно относился Толстой к стихам молодых поэтов, очень любил и понимал живопись.

Есть писатели-архитекторы, которые строят обдуманно и сложно план романа или рассказа. Алексей Николаевич не был архитектором в своем творчестве. Он писал так, как художник пишет пейзаж или портрет. У него план менялся за работой. Он лепил свои образы постепенно. Несколько раз я видел, как он «деформировал» рассказ. Для него не играли роль точность событий и наблюдений. На мой взгляд, это признак большого таланта, ибо документальной точности придерживаются люди, не уверенные в большой глубине зрения.

И. Эренбург вспоминает о работе Толстого в дни Великой Отечественной войны, о его сотрудничестве в газетах.

В состоявшемся затем концерте О. Абдулов прочел новую главу из третьей части «Петра I», К. Пугачева — отрывок из второй части романа. Артистами Центрального детского театра была исполнена сцена из пьесы «Золотой ключик». В концерте принял участие Эмиль Гилельс.

Заседание, посвященное памяти А. Н. Толстого, состоялось 27 февраля в Государственном литературном музее.

Директор музея проф. И. Клабуновский во вступительном слове рассказала собравшимся о творческом пути замечательного русского писателя.

В. Лидин прочел отрывки из своих воспоминаний о Толстом.

Открытое заседание кафедры русской литературы филологического факультета Московского университета было посвящено памяти А. Н. Толстого.

Проф. Д. Благой сделал доклад о романе «Петр Первый».

Доц. А. Алпатов рассказал о работе А. Толстого над романом «Петр Первый», проф. Б. Нейман — об исторических источниках романа.